

МАРИНА ШЛЯПИНА

Шляпина (Мисюк) Марина Владимировна родилась в 1967 г. в г. Саранске. Окончила Горьковский институт иностранных языков. Член Союза российских писателей, член Творческого союза художников «Солярис». Автор книг прозы «Записки на обратной стороне холста» (в серии «Библиотека журнала „Город“», 2007) и «Близь и даль» (2015).

О РЕАЛЬНОСТИ НЕРЕАЛЬНОГО

страницы из дневника

Я очень устала от одиночества. У меня нет друзей, почти со всеми перестала общаться. Остались те, с кем встречаюсь по учёбе, но это даже не считается, да и сейчас лето, так что даже такого общения нет. Все свои проблемы я с детства переживаю одна, и чтобы как-то справиться, и выговориться — пишу сама себе в свой дневник. Не чувствовала никогда ни от кого поддержки, не получала никакого доброго совета. Есть только мама, только ей и могу пожаловаться на что-то, но ей ведь тоже не всё расскажешь...

С парнями тоже ничего не складывается. Если возникает намёк на контакт в интернете, — просто в каких-то группах друг друга нашли, — то примерно через месяц всё затихает и уходит в никуда. Если я делаю какие-то попытки чего-то личного в контактах, меня обычно отталкивают. Таких попыток было очень мало, две — три, но были. Каждую я переживала болезненно, к тому же никогда не могла сразу отпустить человека до конца, после первого отказа я пробовала ещё, потом ещё... Я готова была вымалывать у таких парней их любовь. Естественно, такие унижения ни к чему хорошему никогда не приводили. И самооценка в очередной раз падала и валялась где-то в районе плитгуса.

Даже уже не знаю, что мне делать, кажется, что сил нет терпеть очередную неудачу. Подругу тоже не могу найти, пусть даже и в интернете, ведь хочется, чтобы человек был похож на тебя, понимал тебя, мог поддержать.

Я уже устала все свои мысли записывать только в дневник, зная, что это никогда никто больше не узнает. В попытках найти близкого человека я тоже устала терпеть неудачи, кажется, что в моей жизни так и будут только временные люди, а в итоге я всегда остаюсь одна.

Писатель Патрик Зюскинд написал: «Я знаю людей, в душе которых вселенная, она неизмерима, бесконечна. Но до неё никому дела нет, хоть убейте».

В нашем городе дожди обычно приходят с реки. Лето приносит грозы. Дожди становятся нужны, так как жара порой бывает такая, что после десяти утра не хочется выходить на улицу — так всё там расплавлено жаром. Но бывает лето холодным. Оно тянется, тянется, и никак не дождётся, когда же, наконец, станет похоже на лето. Это лето, похоже на такое, — никак не может раскататься. Закончился учебный год, и так как никто никуда не зовёт меня, никто меня не ждёт на встречах или просто на прогулке, то я уезжаю на дачу.

Вчера гуляла по дачному массиву, там наш домик. На электричке можно добраться до нескольких запущенных дачных посёлков, практически заброшенных. Только наш кооператив дачников «Электроник» выглядит относительно живым. На выходные дачники приезжают на машинах, порой слышна музыка или шум газонокосилки, да и вообще, у нас много жилых дач, даже бывают очень ухоженные. На воротах стоит охранник, поднимает и опускает цепь на дороге. Это полная, немощная пенсионерка,

которая вряд ли кого способна задержать. Другие два дачных посёлка не охраняются даже так условно.

Вокруг нашего домика все запущенно давным-давно. Соседи или умерли, или бросили свой сад-огород.

— Справа соседка умерла, слева — умерла, позади нас и спереди — умерли. Следующий домик купила молодая пара, но через год они перестали приезжать, — перечисляет мама.

Когда я не переживаю остро своё одиночество, что бывает в городе, мне даже начинает нравиться такой расклад. Нет никого вокруг, безлюдие, никаких шумов, кроме природных, нет музыки, криков и любопытных глаз. Участки не огорожены и можно заходить на любой. Там всё заросло бурьяном, цветами, кустами и деревьями. Можно собирать, что хочешь. В этот раз я нарвала пионы. Особенно нравятся белые и бледно-розовые. Такой букет стоит у кровати. Его запах волнами доходит до моего носа. Пионовый аромат, шум ветра в ветвях деревьев, крик лесного голубя примиряют меня с тем, что разговаривать не с кем. И даже не хочется возвращаться домой, где одиночество кажется трагичным.

По будним дням я никого не встречаю во время своих долгих прогулок по нашему посёлку, иногда заглядывая на соседние. Позавчера привычно бродила вдоль домиков и увидела незнакомого старичка, который внезапно вынырнул из кустов малины и спросил меня, не хочу ли стакан жимолости. Это было неожиданно, но приятно, от растерянности я с ним познакомилась. Он рассказал, что вокруг его домика лет десять никто не живёт. Сам он здесь изредка появляется, выращивает картошку. Электричеством не пользуется, готовит на печке-буржуйке с наполовину обгоревшей чёрной трубой. Романтично, подумала я, это даже веселее, чем моя жизнь. Самое главное, что мне понравилось в его ветхой хибаре, — у него была терраса, открытая веранда под навесом, но заросшая вьющимся растением, похожим на виноград. Я всего два раза видела у нас среди дач домиков с террасами. Не принято в наших местах сидеть на террасах, пить чай, неспешно беседуя, глядя на закат или слушая пение птичек.

Мы сидели за щелястым столиком на террасе Николая Петровича. Это был худенький, немного сгорбившийся старичок лет семидесяти. Лёгкие седые волосы венчиком пушились вокруг его лысины, ветхая, потерявшая цвет футболка висела на его острых плечиках. Он, пригласив присесть на кресло на террасе, надев на нос очки и предложив мне чай из листьев смородины, спросил, откуда я, почему гуляю тут одна. Надолго замолчав, как будто прислушиваясь к чему-то, поинтересовался, не слышала ли я здесь звуков, похожих на вот такой свист, и тихо присвистнул губами. Недавно он услышал его и решил, что кто-то подзывает брошенных кошек и решил посмотреть, кто это.

Тихо шелестели листья на заброшенной дачной улице, когда он услышал этот немного странный свист. Он порой переходил как будто на шёпот, кто-то разговаривал с кошками. Или с ним? Но не было никого вокруг. Дело было вечером в будний день, никого на дачах не было, и сумерки сгустились, насылая неясное тревожное ощущение. После того, как он обследовал ближайшие кусты и дачи, он пошёл дальше, а потом начал идти быстрее, ему показалось, что его кто-то преследует, перебегая от кустов к кустам. Он начал идти быстрее и оглядываться, но никого не видел.

— Я уже решил, что прямо сейчас уеду домой на последней электричке, и продолжал свой путь к выходу из посёлка, — стало страшновато. И вдруг я увидел дом, который раньше никогда не видел. Точнее, раньше я никогда не видел, что дом покрыт какими-то знаками и символами. Меня это поразило, сам не знаю, почему. Я человек любопытный, меня это не раз заводило в ситуации не самые приятные. Но тут я не сумел остановиться и постучал в дверь, а потом и открыл дверь домика, который казался брошенным. Домик был небольшим, но состоял из трёх комнат. Он, действительно был брошен — обои были надорваны, висели на стенах ключьями, порвались пятнами протёкшей с крыши воды. На полу валялся мусор, как если бы сюда заходили бомжи и жили здесь, оставив после себя пустые бутылки, банки, грязные тряпки и пожелтевшие от времени бумажки. Из последней комнаты окно выходило во внутренний сад. Я выглянул туда и вдруг прямо за спиной услышал шёпот, который меня очень напугал. Я повернул назад к выходу и понял, что не могу выйти из дома наружу, — все двери, которые попадались мне на пути, были заперты. Наконец, я заметил ещё одну дверь, которая вела, видимо, в подвал. Спустился по маленькой шаткой лестнице и увидел, что там внизу в углу шевелилось нечто, а по земле извивались тени, похожие на щупальца. Я увидел глаза, тусклые и огромные — этого не должно существовать в мире!

Нервным движением левой руки Николай Петрович убрал волосы с влажного лба и поставил кружку с чаем на стол, которую он всё это время держал в правой. Он был взволнован.

— И да, милая Лена, я стал бороться с этим монстром! Нет, не руками, а как бы это выразиться, — силой мысли. Он был сильнее меня, и я чувствовал, что моя жизнь находится на грани. Я решил биться до последнего вздоха.

«Он сошёл с ума?» — думала я, собираясь встать и уйти, но что-то заставляло меня сидеть и слушать этого человека.

— Извините меня, Лена, понимаю, что я похож на сумасшедшего одинокого старика, — вдруг прервал сам себя мой собеседник, как будто услышав мои мысли. — Не буду пугать дальше — это был только кошмар, понял я, наконец, проснувшись. Я долго думал над смыслом этого сна и стал более осторожным, — услышав свист и шорох, не иду им навстречу и помню, что есть силы в этом мире, которые мы не можем контролировать. Это был опыт души, который был получен не в физическом мире, но в мире воображаемом. Но насколько этот воображаемый мир реален, вы об этом думали, Лена? Он реален! Я помню этот кошмар гораздо более точно, чем то, что произошло со мной этим утром. Очень не рекомендую гулять одной по нашим дачам, неизвестно, что здесь происходит, когда на них никого нет. Порой я сам до конца не уверен, что это был сон...

Встреча со стариком не была тем событием, о котором я мечтала, но его слова про существование неконтролируемых сил я запомнила и записала в свой дневник, не они ли разрушают общение с ненужными мне людьми, которые мне не предназначены и готовят к встрече с другими, мне близкими?

Дома с символами на стенах я не видела, хотя, признаюсь, позже обошла все улицы нашего посёлка. Может, все же этот дом был на территории соседних дачных массивов? И своя борьба «до последнего вздоха» мне ещё предстоит...